

Паустовский К.

25-31.05.92.

К 100-летию Константина Паустовского

Слов устн. - 1992 - 25-31 мая

(н 22) - с 14.

НА ЧИСТОЙ НОТЕ

Большой русский прозаик. Что ему удалось? Тома, тома — начиная с очерковой, проблемной повести «Кара-Бугаз», экзотической книги «Колхида» и романтической — «Черное море», изысканно-суровой «Северной повести» (судьбы дворян-декабристов) или «Озерного фронта» (дань гражданской войне) и очень русской, «почвенной», переломной в его творческой жизни «Мещерской стороне» до «Золотой розы» — уже в ином, раскованном стиле, до еще более внутренние свободных — рассказов «Ильинский омут» или «Наедине с осенью», и, наконец, до огромного мудрого мемуария, окрещенного просто и веско «Повесть о жизни»...

Но отчего-то сегодня вся эта громадина литературного, пристального, неспящего освоения жизненных пластов отстоит

от нашего нынешнего художественного большака какой-то своей «аполитичностью». О чем писал Паустовский? Обо всем на свете, но через лирику, через органично, из глубины всей его натуры чувствуемую красоту. Слово его пело на высокой и чистой ноте. Выводил он фразу трудно, медленно, городил этажи надстрочных вариантов, покуда не кольнет сердце лаконичное, поэтически емкое выражение, где не слова новы, а их слияние.

Сегодня даже от имени честнейшего «старика отечественной прозы» у новых литературных бонз зевота и безглиявая гримаса. Дескать, оно, конечно, читается и грамотно, и может, и вправду, гармонично, но слишком гладко, как асфальт, а нам бы, неумным, ухабы, рытвины да «похабень». Времена вот нынче! А когда Паустовского знаменем де-

лали в защите гонимых, в списках за Солженицына имя почтенного старика было среди первых. А теперь кто открывает и пересчитывает мастера? Кто сомнеется от речки с чутким поплавком, от чудесно выписанной просеки с верстовым столбом, оплетенным повиликой, от курлыканы журавлей («кто-то начал осторожно переливать воду из звонкого стеклянного сосуда в другой такой же сосуд. Вода булькала, позванивала, журчала...»)? Кто?.. Может быть, тот, кто видит и слышит более стройное завтра через гвалт, дисгармонию, развал сегодня. Кто чувствует красоту и согласие во всем, то есть для кого время лириков еще ожидаемо и неминуемо.

А облик Паустовского отзывается тарусским взгорьем с подрезом леса, избытой с красным тесовым потолком, где он счастливо и надежно работал, жил, всматриваясь, оторвавшись от рукописи, в окно, за которым вертлявая, вся в говорливых перекатах, зарослях ивняка и ольхи, речка-невеличка Таруса впадала в Оку. Здесь, в тишайшем калужском городке художников и писателей, на высоком Окском холме Константин Паустовский и был похоронен в шестьдесят восьмом.

Есть линия понятий, по которой, как по складкам ладони, судят о судьбе Мастера: ЯЗЫК, НАРОД, ПОЭЗИЯ, ПРИРОДА, РОДИНА. Паустовский не оступился ни на одном из них — все это связал, слил в вечной простоте истинно прекрасного, в единстве поэзии и правды.

В. УЛАНОВ

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 31 МАЯ,
РАДИО-1, 22.30.